

Лазаретов Игорь Павлович

Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее.

07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание
учёной степени кандидата исторических наук

**Санкт-Петербург
2006**

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры Российской Академии
Наук.

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Дмитрий Глебович Савинов

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Бобров

кандидат исторических наук Владимир Антониевич Кисель

Ведущая организация:

Государственный Эрмитаж.

Защита состоится 15 ноября 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д.18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан « » _____ 2006 г.

Учёный секретарь диссертационного
совета, кандидат исторических наук

П.Е. Нехорошев

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Основные точки зрения по вопросам происхождения, хронологии и групповой принадлежности комплексов эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины сформировались в 60-е – 70-е годы XX столетия. Целью исследований было выделение и характеристика двух совокупностей памятников: лугавской (бейской, каменноложской) и карасукской. Проблемам хронологии памятников внутри групп уделялось меньшее внимание. Авторы ограничились разработкой типологий бронзовых ножей и их датировкой. Другие аспекты культуры (погребальные конструкции, элементы обряда, массовые категории инвентаря) для этих целей практически не привлекались. В настоящий момент назрела необходимость перейти от суммарного изучения выделенных групп к их детальному анализу. Необходимо уточнить локализацию памятников, выявить внутреннюю хронологию и основные тенденции их развития. Применительно к комплексам карасукского типа такая работа отчасти проделана. Лугавские памятники до сих пор не становились предметом самостоятельного исследования.

Цели и задачи исследования. Целью работы является изучение и реконструкция исторических процессов, протекавших в эпоху поздней бронзы на территории Хакасско-Минусинской котловины. Для этого необходимо определить характер связей памятников карасукского и лугавского типов с местными культурами предшествующего и последующего времени, а также синхронными комплексами сопредельных территорий. С этой целью привлекаются сравнительные материалы андроновской, тагарской культур Южной Сибири и отдельные комплексы Северного Китая, Монголии, Западной Сибири и Казахстана.

Исходя из целей работы, были намечены следующие задачи исследования:

- определение хронологического соотношения карасукских и лугавских комплексов;
- выделение локальных групп лугавских памятников и построение их относительной хронологии;
- решение основных вопросов происхождения комплексов эпохи поздней бронзы;
- разграничение памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века;
- разработка периодизации памятников эпохи поздней бронзы Южной Сибири.

Научная новизна работы.

В ходе решения задач поставленных при выполнении исследования, получены следующие новые данные по памятникам предскифского времени:

1. Предложена комплексная схема периодизации памятников эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, состоящая из четырех этапов и девяти хронологических горизонтов.
2. В рамках III (лугавского) этапа эпохи поздней бронзы, обосновано существование нескольких локальных групп памятников.
3. Представлены новые типологические схемы развития погребальных конструкций, обряда, бронзового и керамического инвентаря.
4. Разработана относительная хронология лугавских и баиновских памятников.
5. Рассмотрено соотношение памятников баиновского типа и комплексов подгорновского этапа тагарской культуры. Проведено их разграничение.

Источники. В работе использованы материалы 600 погребений, относящихся к предскифскому времени Южной Сибири. Около трети из них исследовались автором и впервые вводятся в научный оборот. Данные по другим памятникам получены из архивов МАЭ, ИА и ИИМК РАН. Зарисовка вещевого материала проводилась в Лаборатории камеральной обработки ИИМК РАН, Государственном Эрмитаже, Минусинском и Абаканском краеведческих музеях.

Методическая основа. В процессе работы использовались методики, широко распространённые в археологических исследованиях: типологический метод, метод сравнительного анализа, метод горизонтальной стратиграфии, картографирование.

Апробация работы. Основные положения диссертации доложены автором на заседаниях Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, а также на научных конференциях в 1991-2005 гг. в Санкт-Петербурге, Барнауле, Омске и Минусинске.

Структура и объём. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и альбома со 102 таблицами.

Введение.

Во введении обоснована актуальность темы, определены цели и задачи исследования, обозначена источниковедческая база, методологические подходы и методика изучения археологического материала, научная новизна, апробация и структура диссертации.

Глава I. История изучения комплексов эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины.

Изучение памятников эпохи поздней бронзы Южной Сибири начинается трудами российских ученых-путешественников XVIII века. В течение полутора столетий сибирскими любителями старины была собрана богатейшая коллекция древних предметов, разработаны первые типологии курганов и поставлен вопрос о происхождении создателей южно-сибирских бронз. Первые научные раскопки курганов эпохи поздней бронзы произвел в 1884 г. И.П. Кузнецов-Красноярский. Позднее на Среднем Енисее проводили исследования А.В. Адрианов и А.Я. Тугаринов. Период первичного накопления материалов завершился блестящими работами С.А. Теплоухова, разработавшего периодизацию археологических культур Хакасско-Минусинской котловины. Им была выделена карасукская культура эпохи поздней бронзы, дана ее характеристика, определены хронологические рамки и поставлен вопрос происхождения. Фактический материал, накопленный к концу 40-х годов XX века, обобщил С.В. Киселев в монументальном исследовании по истории Южной Сибири.

В 60-е и 70-е годы в береговой полосе Енисея сотрудниками Красноярской экспедиции ЛО ИА под руководством М.П. Грязнова были исследованы поселения и десятки могильников эпохи поздней бронзы. В их число входят комплексы Сухое озеро II, Малые Копены III, Кюргенер I-II, состоящие из нескольких сотен погребений. На юго-западе Минусинской котловины работали экспедиции МГУ под руководством Л.Р. Кызласова, Е.Е. Филиповой и сотрудницы Абаканского краеведческого музея Э.А. Севастьяновой. В Чулымо-Енисейской котловине проводили раскопки Д.Г. Савинов, В.В. Бобров и Н.Л. Членова, а на правом берегу Енисея - сотрудник Минусинского краеведческого музея Н.В. Леонтьев. Эти исследования носили менее масштабный характер и не могли компенсировать образовавшийся дисбаланс в степени изученности зоны затопления Красноярского водохранилища в сравнении с другими районами Южной Сибири.

Кроме географического фактора на обсуждении карасукской проблемы сказалось несоответствие объемов накопленных и опубликованных материалов. Большинство авторов было вынуждено оперировать сведениями, полученными в результате личных раскопок, зачастую не имея возможности привлечь материал своих оппонентов. Расширение источниковедческой базы не привело к выработке единой концепции, а сопровождалось резкой поляризацией точек зрения по вопросам соотношения и происхождения двух групп памятников внутри карасукской культуры. Краткое изложение этой дискуссии содержится в сводной работе Э.Б. Вадецкой, посвященной археологическим памятникам Среднего Енисея.

Из публикаций последних лет наибольший интерес вызывает разработанная А.В. Поляковым относительная хронология «классических» карасукских памятников. Собственно карасукские комплексы разделены им на два последовательных этапа, включающих в себя три хронологических горизонта.

Диспропорция в степени изученности памятников предкифского времени северных и южных районов Хакасско-Минусинской котловины была существенно сглажена

благодаря работам Средне-Енисейской экспедиции ИИМК РАН под руководством Д.Г. Савинова, а также группы археологов Хакасского Государственного университета. В 80-е и 90-е годы XX века в Минусинской котловине раскопано несколько представительных погребальных и поселенческих комплексов эпохи бронзы. К сожалению, материалы этих памятников опубликованы частично и привлекались, главным образом, для решения отдельных аспектов карасукской тематики. Крупных аналитических исследований, посвященных проблемам происхождения и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, не проводилось. Эти направления остаются дискуссионными, сохраняют свою актуальность и вызывают пристальный интерес ученых Сибири и сопредельных территорий.

Глава II. Характеристика комплексов лугавского типа и проблемы хронологии.

2.1. Характеристика комплексов лугавского типа.

В качестве самостоятельной группы, а затем культуры памятники лугавского типа были выделены и охарактеризованы Н.Л. Членовой. Использование в качестве эталонных комплексов могильников и поселения у села Лугавское позволяет привести общую характеристику памятников этого типа.

Лугавские надмогильные конструкции отличаются разнообразием форм, строительных приемов и использовавшихся для их возведения материалов. Абсолютное большинство оград имело четко выраженную прямоугольную форму. Часто в углах сооружения располагаются массивные или столбообразные камни. На юге Хакасско-Минусинской котловины преобладают конструкции, сложенные на уровне древней поверхности, из глыб рваного камня, гранитных блоков и крупного галечника. В северных районах и на правом берегу Енисея ограды сооружались из плит песчаника, уложенных плашмя или врытых на ребро. Прямоугольные ограды из глыб рваного камня или плит песчаника оставались ведущим типом погребальных сооружений на протяжении всего периода существования лугавских комплексов. Вместе с тем, имеется несколько редких разновидностей конструкций, отличающихся от общепризнанного стандарта нетрадиционной формой, сочетаниями материалов или комбинированной техникой сооружения.

1. «Овальные» ограды. Надмогильные сооружения в виде прямоугольника со скругленными углами или овала.

2. «Комбинированные» ограды. Конструкции, у которых одна из стен, юго-западная или северо-восточная, отличается от трех остальных способом сооружения (сочетание горизонтальной кладки и врытых на ребро плит) или материалом (сочетание плит песчаника и рваного камня). Погребенные в таких оградах всегда ориентированы головой в сторону выделенной стенки.

3. «Фигурные» ограды. Сооружения, стенки которых имели сильный прогиб внутрь. В плане такая конструкция напоминает четырех лучевую звезду.

4. «Смешанные» ограды. Конструкции, у которых две стенки ограды (юго-западная и северо-восточная) целиком сооружены из плит, врытых на ребро или уложенных плашмя, а на двух других стенках (северо-западной и юго-восточной) участки горизонтальной кладки чередуются с вертикально врытыми плитами.

5. «Скобчатые» ограды. Сооружения из камней, уложенных на древнюю погребенную поверхность, имеющие в середине двух, трех или всех четырех стенок разрывы в кладке, «запертые» врытыми на ребро плитами. В плане такая конструкция напоминает угловые или квадратные скобки.

6. «Трапециевидные» ограды. Конструкции, у которых длина северо-восточной стенки намеренно увеличена, в сравнении с юго-западной, вследствие чего ограда в плане приобретала вид трапеции. Камни северо-восточной стенки у таких сооружений, как правило, более массивны и тщательно подобраны.

Нестандартные ограды компактно группируются в пределах могильников и четко коррелируют с определенными особенностями внутримогильных конструкций, погребаль-

ного обряда и инвентаря. Несмотря на малочисленность, они могут использоваться в качестве своеобразных хронологических и культурных маркеров.

В отличие от свободной карасукской схемы размещения пристроек, в лугавских памятниках существовала строгая система, допускавшая захоронение детей только за северо-восточной стенкой основной ограды. Погребения половозрелых людей пристраивались к северо-западной или юго-восточной стенке центральной ограды, образуя ряд могил по линии СЗ-ЮВ. Линейная схема, когда детские и взрослые погребения размещались в общем ряду, может рассматриваться в качестве переходной.

Ведущим типом внутримогильных конструкций были неглубокие грунтовые ямы со срубом. Иногда, на торцевых стенках могилы устанавливались одна или две плиты песчаника. Пространство между бревнами и стенкой ямы часто заполнялось мелкими плитками. Есть захоронения в цистах на горизонте или в мелких грунтовых ямах, обложенных по периметру на уровне древней поверхности кладкой из крупных валунов, как в памятниках монгун-тайгинского типа Тувы. В могильнике Кутень-Булак и в пункте 6 на автодороге Абакан-Сорск зафиксированы грунтовые ямы глубиной свыше 1 м. Их перекрытие опиралось непосредственно на бревна сруба. Внутри ям были обнаружены остатки вертикальных жердей, стоящих на перекрытиях и выходящих одним концом на поверхность. Такое устройство погребальных камер и обычай установки на перекрытии могил деревянных столбиков или камней-обелисков характерны для андроновской культуры. Обнаруженные в могильниках Белое Озеро I и Федоров Улус цисты, опущенные в грунтовую яму, также напоминают андроновские сооружения. Каменные ящики преимущественно распространены в северной части Хакасско-Минусинской котловины и на правом берегу Енисея.

Большинство покойников захоронено на спине, вытянуто. Имеются погребения в типично карасукской позе - на левом боку вполоборота с подогнутыми ногами. В северных районах абсолютно преобладает ориентация головой в северо-восточный сектор. На юге региона чаще встречается юго-западная ориентировка. В захоронениях на боку сосуд размещался перед лицом покойника. У погребенных на спине ставился слева от головы. Ближе к ногам располагалось деревянное блюдо с набором мяса жертвенного животного. На нем находятся шилья, миниатюрные бронзовые ножи или клинки составных ножей. Полноразмерные изделия помещались на поясе и на правом бедре. В захоронениях с двумя сосудами крупный ставился у головы, а малый горшок размещался ближе к ногам. В таких случаях ножи и шилья располагались на малом сосуде.

Бронзовый инвентарь представлен мелкими украшениями (височные кольца, пронизки, обоймочки, пуговицы с перемычкой или петельчатой дужкой, лапчатые привески, треугольные пластинки с точечным орнаментом, перстни с двумя коническими выступами). Из более крупных предметов можно отметить браслеты, зеркала и цельнолитые бляхи-розетки. Среди бронзовых ножей имеются коленчатые, дугообразнообушковыи и почти прямые экземпляры. Рукоять их обычно завершается каплевидной шляпкой. Навершия в виде кольца, двух колец или головки животного редки. Встречаются ножи уменьшенного размера и обломки лезвий, вставлявшиеся в деревянную рукоять. Полноразмерные изделия носились в кожаных ножнах, иногда украшенных бронзовыми накладками. Предметы вооружения в захоронения не помещали. Несколько кремневых наконечников стрел и два бронзовых (втульчатый и черешковый) попали в могилы вместе с телами погребенных людей. К категории оружия можно условно причислить массивные бронзовые предметы неизвестного назначения (ПНН), которые хотя и не являлись оружием, были атрибутом мужчин-воинов. Особо следует отметить найденные в лугавских поселениях и культовопоминальных комплексах предметы конской упряжи - роговые трехдырчатые псалии. Изделия бытового назначения (костяные проколки, чесала для обработки шерсти, бронзовые шилья, каменные оселки) представлены преимущественно находками на поселениях.

Лугавская посуда отличается от карасукской большим объемом, удлиненными пропорциями и обязательной орнаментацией зоны венчика. Горшки круглодонные, но встречаются и сосуды на поддонах. Намечается разделение посуды на два типа: слабопрофили-

рованные сосуды яйцевидной формы с широким устьем и сферические с высоким узким горлом. Наиболее распространенным украшением были различные вариации рядов вертикальных и наклонных насечек, оттисков гладкого или зубчатого штампа. Реже встречаются ромбические фигуры и свисающие треугольники, выполненные резными линиями, оттисками палочки или кончика лезвия ножа. Часто орнамент наносился не сплошной полосой, а чередовался с гладкими участками. Излюбленным украшением шейки сосудов были резные горизонтальные линии, наlepные и формованные валики.

2.2. Проблемы хронологии памятников эпохи поздней бронзы Южной Сибири и критика источников.

В публикациях даты карасукских и лугавских комплексов варьируют от начала второй половины II тыс. до VI в. до н.э. Чаще всего их помещают в интервал с XIII по VIII в. до н.э., что соответствует эпохе Инь и периоду Западного Чжоу в Китае. Основанием для синхронизации послужило сходство минусинских бронзовых ПННов, ножей и кинжалов с находками из Монголии, Забайкалья, Северного Китая. В Китае эти предметы являются импортами, полученными иньцами и ранними чжоусцами от северных соседей. Они фиксируют промежуток с XIII по XI век до н.э. как дату контактов китайской цивилизации с одной из групп кочевых народов, но не объясняют когда и каким образом подобные вещи оказались в Южной Сибири. Эти изделия могли появиться в Хакасско-Минусинской котловине в пределах заданного интервала, могли распространиться раньше или позже. Пока не определен источник формирования этой бронзолитейной традиции и вектор ее распространения, любая из точек зрения будет иметь право на существование, а датировка ножей, кинжалов и ПННов по китайским аналогиям останется спорной.

В последние годы получена серия радиоуглеродных дат для карасукских и лугавских комплексов Хакасско-Минусинской котловины. В могильниках Анчил чон и Терт-Аба 9 из 11 образцов дают дату курганов II этапа в пределах середины XIII – XI вв. до н.э. С привлечением данных I карасукского этапа нижняя граница временного интервала, по видимому, будет сдвинута в сторону удревления. Большинство дат лугавских курганов (Анчил чон, Кутень-Булук, Уй) группируется в пределах X-IX вв. до н.э. и, возможно, начала VIII в. до н.э. Таким образом, подтверждается последовательное существование комплексов эпохи поздней бронзы и их датировка, предложенная М.П. Грязновым: карасукские памятники – XIII-XI вв. до н.э., лугавские – X-VIII вв. до н.э.

Глава III. Относительная хронология лугавских памятников и их периодизация.

3.1. Относительная хронология лугавских комплексов.

Как установлено А.В. Поляковым, на II этапе своего существования карасукские комплексы распадаются на два локальных варианта: северный (Сыда-Ербинская, Чулымо-Енисейская котловины) и южный (Минусинская котловина). Это противопоставление отчасти сохраняется и в лугавское время, хотя проявляется в менее выраженной форме. Степень изученности лугавских памятников Минусинской котловины позволяет дополнительно разделить их на несколько территориальных групп: южную (междуречье Абакана и Енисея), юго-западную (левый берег Абакана до устья Камышты), центральную (северо-западная часть Минусинской котловины), правобережную (правый берег Енисея до устья Тубы).

В южной группе, на ограниченной площади Означенской оросительной системы исследовано два крупных могильника (Белое Озеро I, Сабинка II), несколько небольших комплексов (по 2-3 ограды), а также отдельно стоящие курганы эпохи поздней бронзы. Все они находятся в пределах прямой видимости, что исключает существенные локальные расхождения. В этом же регионе находятся комплексы Бейская Шахта, Подсиня I, Маткечик, Куйбышево.

В могильнике Белое Озеро I исследовано 70 курганов, содержащих 109 захоронений взрослых и детей. Это самый крупный из известных лугавских памятников и единственный могильник, в котором выделяются представительные, ярко выраженные

группы разновременных погребений. Планиграфически комплекс делится на 4 части: 1 - карасук-лугавская, 2 – лугавская, 3 – лугавско-баиновская, 4 – баиновская.

Группа 1. Захоронения расположены в южной части. Большинство оград имели прямоугольную форму и были сложены из глыб камня на уровне поверхности. У пяти сооружений углы оказались намеренно скругленными, что придало им вид неправильного круга или овала. Три ограды были «комбинированными»: три их стенки сооружены из валунов, четвертая – из врытых на ребро плит песчаника. В двух случаях оказалась выделена северо-восточная стенка, в одном – юго-западная. Соответствующим образом были ориентированы и погребенные в них люди. Система размещения пристроек свободная, либо линейная. Захоронения производились в грунтовых ямах со срубом. Два погребения совершены в углубленных цистах и два в каменных ящиках. Покойники лежали на левом боку вполоборота с подогнутыми ногами. Некоторые, возможно, располагались на спине. Погребенные ориентированы головой на ЮЗ, реже на СВ. Бронзовый инвентарь малочисленный и не выразительный. Посуда сферической формы с округлым или уплощенным дном. Емкость горшков варьирует от 1 до 3 литров. На двух сосудах имеются ручки с отверстием. В орнаментации преобладают резные желобки, часто в сочетании с различными вариациями рядов наклонных оттисков штампа. Реже встречаются прочерченные треугольники, ромбы или группы оттисков палочки. На двух сосудах имеются четко выраженные валики. Венчики декорированы только в двух случаях: треугольниками, обращенными острием вверх и короткими насечками по краю. Эта группа погребений демонстрирует сочетание карасукских и лугавских особенностей. К карасукским проявлениям можно отнести свободную схему размещения пристроек и позу погребенных на левом боку вполоборота. Некоторые сосуды по форме и орнаментации не отличаются от карасукской посуды II этапа. Другие несут на себе проявления лугавской традиции: общая удлиненность пропорций, группировка орнамента, использование наклонных оттисков штампа, украшение зоны венчика. Примечательно сочетание карасукских пуговиц с петелькой и лугавских пуговиц с перемычкой. Особенно ярко лугавская традиция проявляется в конструкции могил, строительных приемах и материалах, использованных при возведении оград.

Группа 2. Наиболее многочисленная и разнообразная. Большинство оград сложено из глыб рваного камня на уровне древней поверхности. Имеются «скобчатые», «комбинированные» и «смешанные» ограды. Сооружения прямоугольные, иногда близкие по форме к «трапецевидным». В оградах часто встречаются выраженные угловые камни. Схема размещения пристроек типично лугавская: погребения взрослых строятся по линии СЗ-ЮВ, детские могилы вынесены за северо-восточную стенку основных оград. Исключения отмечены только в двух случаях и только в курганах примыкающих к группе 1. Захоронения совершены в грунтовых ямах со срубом. Все погребенные лежат вытянуто на спине. Преобладает юго-западная ориентировка покойников. Бронзовый инвентарь разнообразный и включает цельнолитые бляхи-розетки, перстни, треугольные пластинки с точечным орнаментом, шилья, накладку на ножны, нож с кольцевым навершием, обломок рукояти с грибовидной шляпкой и петелькой под ней. Среди пуговиц доминируют изделия с перемычкой. Пуговицы с петелькой встречены только в курганах, расположенных на границе с группой 1. Емкость посуды возрастает до 5-8 литров. Наряду со сферическими сосудами встречаются яйцевидные. Вместо уплощенно-донных горшков появляются сосуды на поддоне. Орнаментация керамики менее разнообразна и состоит, главным образом, из различных вариаций прямых и наклонных оттисков штампа. На шейке сосудов часто группируются формованные валики, заменяя собой прочерченные линии. Украшение зоны венчика у декорированных сосудов теперь является обязательным.

Группа 3. Курганы расположены на северо-западной периферии могильника. Ограды сооружены из глыб рваного камня, сложены из песчаника на древней поверхности или сделаны из врытых на ребро плит. Некоторые близки по форме к «трапецевидным». Большинство оград имеют выраженные угловые камни. Система размещения пристроек, устройство могил, поза и ориентировка погребенных не отличаются от захоронений груп-

пы 2. Бронзовый инвентарь малочисленный и не выразительный. Встречена посуда двух типов: яйцевидные слабопрофилированные сосуды без выделенной шейки и сосуды с раздутым туловом и высоким узким горлом. У первых иногда заметен наплыв на внутренней стороне венчика. Орнаментация посуды скудная, состоит из прочерченных линий и рядов оттисков штампа. По форме и манере украшения эти сосуды мало отличаются от керамики памятников баиновского типа. Единственное значимое расхождение – наличие у части сосудов могильника Белое Озеро I круглого дна, что не позволяет напрямую синхронизировать группу 3 и могильник Баинов Улус. Однако, их хронологическая близость очевидна.

Группа 4. Баиновский курган на юго-западной периферии могильника. Ограда «скобчатой» конструкции. Все погребенные лежат на спине, вытянуто. Слева от головы покойников стояло по два сосуда – крупному и малому. В женском захоронении горшок меньшего размера располагался у локтя. На нем находилось лезвие бронзового ножа. Посуда относится к двум типам: слабопрофилированные банки, а также сосуды с раздутым туловом и узким горлом. Их донная часть во всех случаях уплощена.

Могильник Белое Озеро I предоставляет уникальную возможность проследить основные направления развития погребального обряда и инвентаря у проживавшего здесь небольшого коллектива, а затем сопоставить эти тенденции с особенностями других погребальных комплексов Бейского района и более удаленных территорий.

Курганы группы 2 особенно интересны, поскольку позволяют проследить процесс постепенного изживания карасукского наследия и формирования особенностей, характерных для памятников лугавского, а затем баиновского типа. Строгая лугавская система размещения пристроек нарушена в двух случаях, и оба эти кургана оказались на южной периферии могильника в непосредственной близости к оградкам группы 1, где линейное размещение пристроек являлось нормой. В этой же зоне локализуются и находки пуговиц с петелькой. В остальных захоронениях обнаружены изделия с перемычкой. У курганов северной части группы 2 заметно проявляются элементы свойственные уже памятникам баиновского типа. Лугавские «трапециевидные» и «скобчатые» ограды соседствуют здесь с аналогичными курганами группы 3. Посуда южной части группы 2 довольно однообразна. Она отличается от карасукоидной посуды группы 1 несколько большим объемом, общей удлиненностью пропорций и обязательной орнаментацией венчика. В центральной и, особенно, северной части группы 2 намечается разделение сосудов на два типа. Одни имеют широкое устье, слабо выраженную профилировку и приближаются по форме к яйцевидным, другие приобретают сферическое тулово и высокую узкую шейку. В погребениях группы 3 это разделение предстает уже в сложившемся виде, а в памятниках баиновского типа завершается окончательно. Та же тенденция прослеживается с уплощенными донцами сосудов: единственный случай в северной части лугавского кладбища, спорадическое появление в погребениях группы 3 и массовое явление среди баиновской посуды. Украшение в виде одиночных налпных валиков на шейке сосудов присутствует на карасук-лугавской посуде группы 1. В южной и центральной частях группы 2 валики становятся формованными, а их количество увеличивается. В северной – они исчезают. В центральной и северной частях группы 2 намечается разделение посуды по емкости и способу ее размещения в могиле. При наличии двух сосудов, один из них оказывается значительно большего размера, чем второй. Крупный сосуд всегда располагается непосредственно у головы погребенного, малый - несколько смещен в сторону ног. При этом дважды, в центральной и северной части группы 2, в малом сосуде обнаружены бронзовые шилья. Такое разделение посуды, способ ее расстановки и приуроченность ножей и шильев к малым сосудам характерны для памятников баиновского типа. Эти признаки представлены и в баиновском кургане Белого Озера I.

Особенно показательно распространение внутри могильника способов украшения венчика посуды. Орнамент из треугольников, обращенных острием вверх, а также ряда коротких насечек по краю венчика встречается только в погребениях группы 1. Украшение в виде горизонтального зигзага четко локализуется в южной части группы 2. Орнаментация,

состоящая из групп разнонаправленных оттисков штампа, тяготеет к центру могильника. Еще одна разновидность орнаментации - ряд частых оттисков с уклоном в одну сторону, рассеченный разреженными насечками противоположного направления, встречена в самой северной части группы 2. Эти способы украшения являются надежными хронологическими маркерами для различных групп лугавских памятников. Заслуживают упоминания фрагменты двух ножей. Изделие с грибовидной шляпкой и петелькой под навершием происходит из кургана, расположенного на границе с группой 1. Другой нож, найденный рядом с группой 3, имел уступ и навершие в виде кольца без дополнительной петельки. Наличие гард и петелек под навершиями ножей может рассматриваться в качестве хронологического показателя. Изделия с этими признаками встречаются только в переходных карасук-лугавских и ранних лугавских памятниках, без них - тяготеют к поздним комплексам.

Другие памятники рассматриваются в соотношении с группами могильника Белое Озеро I. По обряду и инвентарю карасук-лугавской группе 1 соответствуют Бейская Шахта, Подсиня I, Кутень-Бурук, Абакан-Сорск пункт 6, Чазы, Орак I, Анчил чон (к. 2), Сабинка II (к. 6, 13). К ранней части группы 2 тяготеют могильники Уйбат III, Майский, Каменный Лог II, Карасук IV, Карасук VIII, Орак II, Нижняя Коя, Анчил чон (к. 3 и 7), Подкунинские Горы (к. 1), лугавские погребения Арбана I. Средней части группы 2 соответствуют могильники Федоров Улус, Арбан IV, Волчий Лог, Карасук VI, Кривая VI, Сабинка II (к. 5). С поздней частью группы 2 соотносятся могильники Лугавское I, Лугавское III, Арбан III, Маткечик, Усть-Бюрь IV, Калы (к. 3), поселение Бырганов IV и материалы из насыпей курганов могильника Устинкино. Лугавско-баиновской группе 3 соответствуют часть материалов могильников Аскиз VI, Устинкино, Ефремкино.

3.2. Периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины.

А.В. Поляковым уже обосновано существование двух этапов существования карасукских памятников. Эту схему можно продолжить, выделив III этап – лугавский и IV – баиновский. В свою очередь, III этап разделяется на хронологические горизонты III-а, III-б и III-в, соответствующие ранним, средним и поздним лугавским комплексам. Внутри IV этапа выделяются горизонты IV-а и IV-б, соответствующие переходным лугавско-баиновским и баиновским комплексам. Сложнее обстоит дело с карасук-лугавскими памятниками. По большинству показателей они сходны с комплексами II этапа и отличаются от них, главным образом, новациями в сфере погребального обряда. Есть основания полагать, что они могут быть синхронны наиболее поздней прослойке карасукских погребений. По видимому, их следует выделить в хронологический горизонт II-б, а II этап в целом рассматривать как переходный карасук-лугавский. При таком подходе система приобретает логичность и последовательность. При необходимости, в случае выявления новых хронологических горизонтов, она может быть легко дополнена без изменения общей системы нумерации.

Эпоха поздней бронзы (ЭПБ)								
карасукский этап		карасук-лугавский этап		лугавский этап			баиновский этап	
I		II		III			IV	
а	б	а	б	а	б	в	а	б

Рис. 1. Схема периодизации памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

Хронологически значимые признаки погребальных конструкций, обряда и инвентаря представлены в таблицах (рис. 2-4). Данный список не является полным, так как ряд особенностей (изменения позы погребенных, увеличение объема посуды и др.) проявлялись у разных локальных групп неравномерно.

Описание комплексов I и II этапов содержится в работе А.В. Полякова и в существенной корректировке не нуждается. Мы начнем краткую характеристику наметившихся хронологических горизонтов с периода II-б.

Хронологический горизонт II-б (карасук-лугавский).

Курганы расположены на периферии карасукских памятников II этапа, либо образуют самостоятельные могильники. Ограды-платформы сложены из камней на уровне древней поверхности или сооружены из врытых на ребро плит. От карасукских оград отличаются наличием контрфорсов. Конструкции прямоугольные, либо «овальные». Встречаются «комбинированные» ограды. Преобладает линейная схема размещения пристроек, когда погребения и взрослых и детей размещаются в одном ряду. Имеются случаи свободного расположения пристроек. Могилы - грунтовые ямы со срубом, иногда с дополнительной обставкой плитами. Ящики использовались редко, преимущественно для погребения детей. Имеется несколько захоронений в углубленных цистах, а также погребений в глубоких грунтовых ямах, бревенчатое перекрытие которых располагается ниже уровня погребенной почвы и опирается на сруб. Большинство покойников лежит на левом боку вполоборота. Не исключены единичные захоронения на спине. Посуда сферической формы, небольшого объема. Встречаются бадейкообразные сосуды и сосуды с ручками. В орнаментации преобладают прочерченные желобки, часто в сочетании с различными вариациями рядов наклонных оттисков штампа. Встречаются треугольники, ромбы и группы оттисков палочки. На некоторых сосудах имеются валики. Венчики не орнаментированы. Только в отдельных случаях они украшены рядом насечек, треугольников или разреженных оттисков штампа. Наиболее зримое отличие посуды от карасукской керамики II этапа, – отсутствие ямочного орнамента. Сосуществуют два вида пуговиц: с петелькой и перемычкой. Имеется две разновидности лапчатых привесок: цельнолитые и составные. Массивные украшения представлены относительно крупными цельнолитыми бляхами-розетками и серьгами с коническими выступами. Вероятно, к этому же периоду относятся серьги, украшенные продольными бороздками и пластинчатые браслеты с точечной орнаментацией. Абсолютно преобладают бронзовые ножи с гардой и петелькой под навершием. Окончание рукоятей чаще всего грибовидные, но изредка встречаются кольчатые и зооморфные навершия. Большинство ножей полноразмерные, со слабой степенью изношенности.

Хронологический горизонт III-а (раннелугавский).

Исчезают «овальные» ограды. Все конструкции имеют прямоугольную форму. Продолжают существовать «комбинированные» конструкции. Доминирующей становится система размещения погребений взрослых в ряд по линии СЗ-ЮВ и выносом детских захоронений к северо-востоку от него. Линейная схема размещения пристроек встречается теперь в виде исключения. В южной и правобережной группах преобладает положение погребенных на спине, в центральной и северной - возможны оба варианта позы, в юго-западной группе сохраняется положение на боку. Сосуды приобретают более вытянутые пропорции. В могильниках южной, юго-западной и правобережной групп стандартный объем посуды возрастает, достигая 5-8 литров. Исчезают сосуды с ручками и бадейкообразные сосуды. Их сменяют горшки на поддонах. Формованные валики дублируются и замещают собой прочерченные линии. В орнаментации преобладают различные вариации рядов наклонных оттисков штампа. Процент геометрических элементов заметно снижается. У большинства сосудов венчики теперь декорированы. Наиболее показательна орнаментация в виде горизонтального зигзага. Пропадают серьги с цилиндрическими выступами и пластинчатые браслеты. Составные лапчатые привески замещаются треугольными пластинками с точечным орнаментом. Преобладают пуговицы с перемычкой, изделия с петелькой встречаются в виде исключения. Бляхи-розетки уменьшаются в размерах. Продолжают существование ножи с гардой и петелькой под навершием. Количество полноразмерных ножей сокращается. В могилы помещаются изделия длительное время бывшие в рабо-

те, неоднократно раскованные и заточенные. Их вытесняют миниатюрные столовые ножи и обломки клинков.

Хронологический горизонт III-б (среднелугавский).

Наименее выразительный период, связанный с максимальной стабилизацией и стандартизацией культуры. Определяется не столько по наличию самостоятельных элементов, сколько по отсутствию ранних и поздних признаков. «Комбинированные» ограды исчезают, уступая место обычным сооружениям, исполненным в единой манере и из одного материала. Система размещения погребений взрослых в ряд по линии СЗ-ЮВ и выносом детских захоронений к северо-востоку от него становится единственно возможной. На большей части территории окончательно оформилось положение погребенных на спине. Только в юго-западной группе иногда практиковались захоронения на боку вполборота. Посуда еще более увеличивается в объеме и приобретает яйцевидные пропорции. В южной и правобережной группе возрастает количество погребений с двумя сосудами. Украшение зоны венчика становится строго обязательным. Наиболее показательна орнаментация, состоящая из групп разнонаправленных оттисков штампа. Пуговицы с петелькой больше не используются. Распространяются массивные литые браслеты. Ножи утрачивают гарды и петельки. Полноразмерные ножи встречаются в виде исключения.

Хронологический горизонт III-в (позднелугавский).

Положение покойников на спине становится всеобщим. Появляются «смешанные», «скобчатые», «трапециевидные» ограды. Начинается разделение посуды на два типа: яйцевидные сосуды с широким устьем и сферические сосуды с высоким узким горлом. В южной и правобережной группах присутствие двух горшков в погребении, большого и малого, становится нормой. Ножи располагаются не на мясе животного, а на малом сосуде. Появляются миски – горшки с оббитым верхом. Повсеместно исчезают наклепные и формованные валики. Наиболее показательная орнаментация зоны венчика, особенно массовая в юго-западной и южной группах памятников - ряд оттисков штампа, рассеченный разреженными насечками противоположного направления.

Количество бронзовых украшений сокращается, а сами они заметно уменьшаются в размерах. Распространяются миниатюрные бляхи-розетки и перстни с рудиментарными выступами. Продолжают существование ножи без петельки и гарды.

Хронологический горизонт IV-а (лугавско-баиновский).

Количество «трапециевидных» и «скобчатых» оград возрастает. Окончательно оформляется разделение посуды на два типа. Около половины сосудов имеют уплощенное дно. Количество поддонов резко сокращается, их замещают «выкружки» у дна. Способы украшения посуды остаются прежними, но орнаментация зоны венчика уже не играет самостоятельной роли. Исчезают треугольные пластинки с точечным орнаментом, а миниатюризация блях-розеток достигает предела. Появляются бронзовые перекрестники ремней. Пластинчатые ножи с кольцом и ножи без навершия вытесняют изделия с грибовидной шляпкой.

Хронологический горизонт IV-б (баиновский).

Процент «скобчатых» и «трапециевидных» оград достигает максимума. Вся посуда имеет уплощенное дно, представлена двумя типами: банки и сферические сосуды с высоким узким горлом. Формируется устойчивый орнаментальный канон – несколько прочерченных линий или рядов оттисков штампа, часто дополненных горизонтальным зигзагом, группами оттисков палочки или ромбическими фигурами. Получает распространение украшение в виде «жемчужин». С течением времени способы орнаментации упрощаются, появляются не декорированные сосуды. Наряду с пластинчатыми ножами с кольцом и изделиями без навершия встречаются ножи с полукольцом, а также шилья с грибовидной шляпкой.

Глава IV. Происхождение памятников эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины.

Сопоставление карасук-лугавских памятников хронологического горизонта II-б и раннелугавских памятников с карасукскими комплексами II этапа демонстрирует сходство между ними по большинству показателей. Погребения переходного облика продолжают карасукские кладбища, формируя их периферию. У курганов хронологического горизонта II-б сохраняется свободная схема размещения пристроек. Появление линейной, а затем строгой лугавской, системы расположения погребений является развитием карасукского обычая пристраивать могилы к существующим оградкам. Единой оказывается ориентировка погребенных в карасукских и раннелугавских могильниках. Продолжают существовать захоронения в каменных ящиках и наземных цистах. В переходных карасук-лугавских комплексах неизменной остается традиционная карасукская поза покойников - на левом боку вполоборота. Примечательно, что на правом берегу Енисея, где в памятниках II этапа преобладали погребения на правом боку, при переходе к захоронениям на спине сосуды и кости животного оказываются справа от покойника. Следовательно, эта поза является закономерным развитием карасукского погребального обряда. В лугавских памятниках сохраняется обычай помещения в могилу четырех кусков мяса жертвенного животного. В переходных карасук-лугавских комплексах представлена серия горшков, идентичных посуде из карасукских погребений II этапа. Они имеют приземистые пропорции, орнаментированы резными линиями, ромбами, свисающими треугольниками. Продолжают существование «бадейкообразные» сосуды и сосуды с ручками. Даже такая особенность лугавской керамики, как обязательное присутствие орнамента в зоне венчика, берет свое начало в комплексах II этапа. Уже на сосудах поздних карасукских и карасук-лугавских памятников эпизодически появляется украшение в виде треугольников, обращенных вершинами вверх, разреженных оттисков штампа или ряда насечек по краю венчика. В ранних лугавских комплексах почти в неизменном виде продолжает существовать основной набор категорий бронзового инвентаря II этапа. Лапчатые привески, перстни с коническими выступами, зеркала, ярусные бляшки не претерпели заметных изменений. Лугавские пуговицы отличаются от карасукских наличием перемычки, но эта новация может объясняться стремлением сделать предмет более технологичным. Вызывает сомнения сугубо лугавская принадлежность шестилепестковых блях-розеток. Они происходят от составных изделий, известных нам по случайным находкам. В карасук-лугавских комплексах и на III этапе обнаружены только цельнолитые изделия. Лугавские треугольные пластинки с точечным орнаментом также ведут свое происхождение от составных лапчатых привесок II этапа. Непрерывной оказывается линия развития ножей. У ранних лугавских изделий сохраняются уже известные типы наверший, гарды и петельки. Увеличивается только степень коленчатости ножей. Все это подчеркивает хронологическую последовательность карасукских и лугавских памятников, наличие между ними культурных и определенных родственных связей.

Карасукское население было одним из важнейших, но не единственным компонентом, принимавшим участие в сложении памятников лугавского типа. Ряд черт, характеризующих III этап, не обнаруживает местных истоков. К ним можно отнести иную архитектурную традицию, появление различных видов грунтовых ям и углубленных цист, возникновение новых форм и приемов орнаментации посуды, а также распространение бронзовых изделий центрально-азиатского облика. Определить значение этих новаций и роль внешнего импульса в формировании памятников лугавского типа можно только на широком хронологическом и историческом фоне. Для этого необходимо, в тезисном виде, рассмотреть происхождение классических карасукских памятников, определить их истоки и направление связей.

Происхождение комплексов I этапа отчасти может быть связано с памятниками минусинского варианта андроновской культуры. Общими для карасукцев и андроновцев являются способы возведения оград и форма самих сооружений, наличие каменных ящиков и захоронений в цистах на горизонте, положение погребенных на левом боку и размещение инвентаря. Наиболее полно, по мнению Г.А. Максимова, преемственность прослеживается в формах и орнаментации керамики. Необходимо уточнить, что перечисленные

особенности присущи не только минусинским андроновцам, но и другим группам населения этой культурно-исторической общности. Наряду с элементами сходства имеются и существенные расхождения. Трапезиевидные ящики, поза покойников на левом боку вполоборота, северо-восточная ориентировка погребенных, круглодонная посуда с уступом и ножи с кольцевым навершием не обнаруживают местных истоков. Участие пришлого населения в сложении карасукской культуры сегодня признают и противники и сторонники преимущественно автохтонного ее происхождения. Спорным вопросом остается направление связей (западное или юго-восточное) и весомость вклада мигрантов.

Теория юго-восточного происхождения культуры вступает в противоречие с локализацией ранних карасукских памятников. Большинство комплексов I этапа расположено в центральной и северной части Среднего Енисея. На юге известны отдельные могильники с небольшими группами погребений хронологического горизонта I-б. Окуневское население было вытеснено карасукцами из предгорной зоны Саян только в этот период. Следовательно, контакт карасукцев с населением центрально-азиатского региона состоялся не ранее конца I этапа. Более перспективной выглядит западная линия связей. С.В. Киселев отмечал, что наличие уступа на карасукской посуде, неорнаментированная полоса на шейке и некоторые геометрические элементы декора роднят ее с позднеандроновской (алакульской) керамикой. Не исключено, что одна из групп населения, сохранившая алакульские навыки гончарства, продвинулась до Енисея и приняла участие в формировании карасукской культуры. Исходным пунктом миграции могла быть территория Казахстана, где в комплексах эпохи бронзы представлен основной спектр инноваций, отличающих карасукскую культуру I этапа от енисейских андроновцев. Там имеются погребения в трапезиевидных каменных ящиках, северо-восточная ориентировка покойников и захоронения в типично карасукской позе – на левом боку вполоборота (Лазаретов, 1995). Бронзовые ножи с кольцом, обнаруженные в Казахстане, возможно, являются прототипами карасукских изделий.

На II этапе развития культуры распространяются новые типы украшений (перстни, лапчатые привески, ярусные бляшки) и несколько разновидностей ножей с различными типами наверший: трехкнопочными, грибовидными, с головками животных. Появляются бронзовые ножны с трапезиевидным расширением и серьги с цилиндрическими выступами. Ближайшие аналогии им обнаруживаются в Монголии и Северном Китае. Причем, эти предметы оказываются типологически более ранними, чем изделия Хакасско-Минусинской котловины. В могильниках II этапа встречены ограды с угловыми камнями, имеющие соответствия в комплексах культуры херексуров. В ряде могильников (Малые Копены, Кюргеннер I, Тюрим) обнаруживаются группы погребений отличающихся по конструкции могил, обряду и сопроводительному инвентарю от карасукских захоронений. Посуда атипичных погребений имеет удлиненные пропорции, плоское дно, плавный переход от венчика сосуда к тулову и орнаментацию, состоящую из наклепных валиков и рядов оттисков штампа. Обязательным элементом декора является полоса оттисков штампа по краю венчика и ряд ямочных вдавлений на шейке сосудов. Очевидно, что атипичные захоронения в составе карасукских могильников принадлежат инородному населению и фиксируют момент проникновения на Средний Енисей значительных групп мигрантов с территорий, расположенных к юго-востоку от Хакасско-Минусинской котловины (Лазаретов, 1993).

Новое население оказало значительное воздействие на карасукскую культуру, особенно в южных районах. Там отмечены грунтовые ямы с деревянными конструкциями, наблюдаются частые отклонения от традиционного погребального обряда. Во многих могилах отсутствует мясо животного, а количество сосудов сильно варьирует. Удлиняются пропорции карасукских горшков, заметно увеличивается их объем. В короткий срок вырождаются и исчезают сосуды с уступом. Появляется два новых типа посуды: плоскодонные «бадейки» и сосуды с ручками. Деградирует пышная геометрическая орнаментация. Наиболее распространенным способом украшения посуды становятся резные желобки, иногда дополненные полосой свисающих треугольников или ромбов. Много сосудов декориро-

ванных рядом ямок или насечек. Зачастую они располагаются не сплошной полосой, а группами по 3-4 вдавления, иногда образуя «шахматный» узор. Распространяется орнаментация из рядов наклонных оттисков штампа, горизонтальных «елочек», украшение наклепными и формованными валиками.

Значительные трансформации происходили и в культуре мигрантов. В материалах поселения Торгажак и могильника Чазы представлены сосуды, сочетающие особенности двух керамических традиций. От атипичной посуды начального этапа взаимодействия их отличает округлодонность и меньшая насыщенность орнаментацией. Насечки в верхней части венчика и ряд ямок уже не являются строго обязательными. При этом посуда Торгажака несет в себе весь спектр особенностей, которые в дальнейшем проявятся на керамике из карасук-лугавских комплексов хронологического горизонта II-б: сочетание резной геометрической орнаментации и украшения из рядов оттисков штампа или палочки, декор состоящий из групп вдавлений, иногда образующих «шахматный» узор, орнаментация зоны венчика ромбами и треугольниками, обращенными вершинами вверх, или рядом насечек (Лазаретов, 1996). К началу III этапа происходит окончательное слияние карасукского и пришлого населения. Вырабатываются общие нормы погребального обряда, единый инвентарный набор и синкретичная керамическая традиция.

Как следует из анализа комплексов II этапа, большинство наиболее выразительных бронзовых изделий, основные формы и ведущие элементы орнаментации посуды, получившие развитие в лугавских памятниках, собственно карасукскими не являются. Они восприняты местным населением от мигрантов. Соответственно удельный вес центрально-азиатских по своему происхождению традиций в комплексах III этапа оказывается значительно большим, чем представлялось ранее. Карасукский вклад в ранних лугавских памятниках проявился преимущественно в области погребального обряда и орнаментации керамики. В них сохраняется традиционная карасукская поза погребенных – на левом боку вполоборота, стандартный набор мяса животного, эпизодически встречаются захоронения в каменных ящиках, а на посуде присутствуют резные геометрические орнаменты. Центрально-азиатское наследие представляют ограды-платформы с угловыми камнями, различные виды грунтовых ям, основные категории бронзового инвентаря, формы посуды, орнаментация из рядов оттисков штампа и валиков.

Глава V. Памятники эпохи поздней бронзы и тагарская культура.

Мы выделили лугавско-баиновские и баиновские комплексы в IV этап и отнесли к эпохе поздней бронзы. Такое решение требует пояснения, так как их традиционно рассматривали в качестве переходных комплексов. Эти памятники были включены М.П. Грязновым в ранний этап тагарской культуры. Он указал на связь баиновских комплексов с поздним этапом карасукской культуры и одновременно отметил, что в них присутствуют предметы вооружения, украшения и посуда, представляющие собой ранние варианты изделий скифского времени. Хронологическая позиция баиновских комплексов не вызывает сомнений, однако, их культурная атрибуция требует уточнения.

Эталонный могильник Баинов Улус содержит небольшой, но выразительный материал. В нем представлена керамика двух типов: банки с уплощенным дном и сферические сосуды с высоким узким горлом. Они украшены прочерченными полосками, рядами оттисков гладкого и зубчатого штампа. Основной мотив часто дополняется горизонтальным зигзагом или ромбическими фигурами. Имеется дисковидное зеркало, шило с грибовидной шляпкой, а также два типа пластинчатых ножей: с навершием в виде полукольца и без навершия. Этой характеристике соответствуют отдельные погребения в могильниках Мохов II, Минусинск VII, Малые Копены I, Кривая I, Монок, Ильинская гора, Самохвал, большинство захоронений могильника Аскиз VI. Из раскопок последних лет самым крупным памятником является Бырганов V.

Существуют сомнения в правомочности включения в баиновскую группу других комплексов из перечня переходных памятников, таких как могильник Гришкин Лог I. Его керамика разделяется на три группы: слабопрофилированные банки, сосуды с раздутым

туловом и узким горлом, а также сосуды индивидуальных форм. От баиновской баночная посуда Гришкиного Лога отличается меньшей профилированностью. Второй тип сосудов имеет низкую шейку, отогнутую наружу. Керамика индивидуальных форм представляет собой лощеные красноватые сосуды небольшого объема с округлым дном, поддоном или сосцевидными налестками. Ни в Баиновом улусе, ни в других памятниках этой группы ничего подобного не обнаружено. Еще разительней отличается орнаментация. Характерной особенностью керамики Гришкиного Лога можно считать украшение в виде «карнизиков» или «желобков», которые являются ни чем иным, как формованными валиками. Такой посуды в Гришкином Логу 56,1%, в других памятниках этот процент еще выше. В комплексах собственно баиновского типа нам не известно ни одного сосуда с валиком. Причем, посуда Гришкиного Лога демонстрирует не начальную стадию формирования валиковой традиции, а скорее момент ее максимального развития и последующего вырождения, что подтверждается общей тенденцией развития тагарской керамики. Из бронзового инвентаря Гришкиного Лога только шилья с грибовидными шляпками и дисковидные зеркала могут быть напрямую сопоставлены с изделиями Баинова Улуса. Однако большинство из них принадлежит к другим типам: шилья имеют выраженную шейку, а зеркала – бортик. Ножи с кольцевым навершием отличаются от баиновских тем, что кольцо соответствует ширине рукояти, но при этом значительно превосходит ее по толщине, образуя как бы рельефный валик вокруг отверстия. Украшения представлены классическим тагарским набором из полусферических бляшек, серег с раструбом, составных подвесок из пронизок и биконических бус. Ничего подобного в памятниках баиновского типа нет, равно как в Гришкином Логу нет височных колец, перстней и лапчатых привесок. Зато, здесь в массовом количестве появляются костяные головные ножи и гребни с циркульным или резным орнаментом, а также отдельные предметы вооружения и изделия в скифском «зверином стиле». Получается, что из инвентаря Гришкиного Лога лишь две-три категории изделий могут быть сравнимы с Баиновым Улусом. Между этими памятниками явно имеется разрыв, причем скорее не хронологический, а культурный. Не заполняют образовавшуюся лакуну и другие комплексы, упоминавшиеся в списках. Все они, с некоторыми вариациями, содержат те же категории и типы инвентаря, что и Гришкин Лог I. Эти могильники, а также почти три четверти комплексов из сводки Э.Б. Вадецкой должны быть исключены из разряда баиновских и объединены в особую раннеподгорновскую группу.

Памятники же собственно баиновского типа следует вывести из состава тагарской культуры. В плане погребального обряда и инвентаря эти комплексы практически не отличаются от лугавских и могут рассматриваться в качестве позднего этапа эпохи бронзы. При таком делении автохтонное происхождение подгорновских комплексов выглядит уже не столь очевидным. Оказывается, что основные категории предметов, наборы украшений и керамика, характеризующие тагарскую культуру, не имеют прототипов в местных памятниках предшествующего времени. Они появляются в Южной Сибири уже в сложившемся виде, что может быть связано с притоком нового населения.

Заключение.

Результаты проведенного исследования подтверждают разработанную М.П. Грязновым периодизацию, предусматривающую последовательное существование на территории Хакасско-Минусинской котловины двух самобытных групп памятников: карасукской и лугавской (каменноложской по М.П. Грязнову). В эталонном варианте разница между ними оказывается очень существенной и затрагивает практически все сферы жизнедеятельности. В тоже время удается выделить промежуточный пласт памятников, сочетающих в себе как карасукские, так и лугавские особенности. Эти комплексы наглядно демонстрируют наличие между двумя группами населения определенной преемственности, а по антропологическим данным и генетического родства. В свою очередь лугавские комплексы оказываются настолько тесно связаны с памятниками баиновского типа, что между ними невозможно провести разграничительную линию.

Столь же отчетливая граница отделяет комплексы эпохи поздней бронзы от минусинского варианта андроновской культуры. Памятники заключенные внутри этого интервала оказываются тесно связаны между собой, что позволяет рассматривать их в едином блоке как четыре последовательных этапа эпохи поздней бронзы (I – карасукский, II – карасук-лугавский, III – лугавский, IV – баиновский). В каждом из них уже сегодня удается выделить по два-три хронологических горизонта, отражающих основные тенденции развития памятников внутри этапов.

Предметом дискуссии могут быть вопросы принадлежности всех перечисленных этапов к единой карасукской культуре или нескольким самостоятельным археологическим культурам. Эта проблема не имеет, в данный момент, однозначного решения. Между памятниками смежных этапов прослеживаются элементы преемственности и определенная степень генетического родства, что теоретически позволяет рассматривать их как единую культуру, прошедшую в своем развитии несколько стадий. С другой стороны, каждый этап отличается неповторимым набором особенностей, имеет свой вектор трансформации, не совпадающий с линией развития других памятников. Комплексы I этапа по своему происхождению оказываются связаны с группами андроновского населения Западной Сибири и Казахстана. На протяжении всего этого периода западное направление культурных связей было определяющим. Для комплексов II и III этапов ведущей являлась уже юго-восточная линия связей. Ее возникновение сопряжено с проникновением нового населения, по-видимому, также андроновского в своей основе, но попавшего в Хакасско-Минусинскую котловину с юга. На протяжении всего II этапа две этнические группы, карасукская и пришлая, существовали параллельно в тесном контакте друг с другом и только к началу III этапа произошло их окончательное слияние. Внешнему воздействию, исходную точку которого еще только предстоит выяснить, подверглись и комплексы IV этапа. На II и III этапах эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины происходило массовое освоение верхового коня и сопряженное с этим изменение структуры хозяйства и быта населения. Резко возросла подвижность и военнизированность общества. Насколько оправданным в данном случае будет объединение в рамках одной культуры памятников оставленных разными этническими группами, имеющими свои истоки, традиционные направления связей и хозяйственный тип? Эта тема требует глубокой теоретической проработки и выходит за рамки нашего исследования.

Список работ опубликованных по теме диссертации:

1. Лазаретов И.П. Относительная хронология каменоложских памятников юга Хакасии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991. С. 105-107.
2. Лазаретов И.П. Конструктивные особенности погребальных сооружений предскифского времени в Хакасии // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск. Ч. 2, 1992. С. 12-14.
3. Лазаретов И.П. Новые материалы из могильника Федоров Улус // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб., 1992. С. 46-49.
4. Лазаретов И.П. К вопросу о валиковой керамике в Южной Сибири // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. - Барнаул, 1993. С. 129-132.
5. Лазаретов И.П. (совместно с Н.А. Боковенко и Н.Ю. Кузьминым) Новые археологические открытия в Хакасии // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб., 1993. С. 25-28.
6. Лазаретов И.П. Каменоложские погребения могильника Арбан I // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. - СПб., 1995. С. 39-46.
7. Лазаретов И.П. (совместно с Н.Ю. Кузьминым) Памятники эпохи поздней бронзы долины р. Уйбат // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. - СПб., 1995. С. 33-37.

8. Лазаретов И.П. Керамика поселения Торгажак // Д.Г.Савинов Древние поселения Хакасии. – СПб., 1996. С. 33-37.
9. Lazaretov I. Spätbronzezeitliche Denkmäler in Südchakassien. // Eurasia Antiqua, Berlin, Band 6, 2000. С.249-280.
10. Лазаретов И.П. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. С. 103-107.
11. Лазаретов И.П. О месте памятников баиновского типа в периодизации Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. С. 86-88.

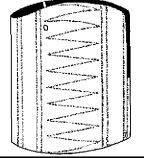
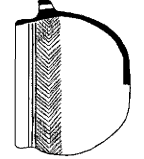

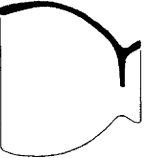

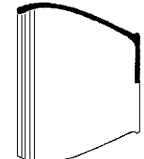

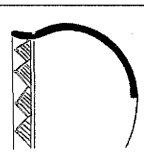

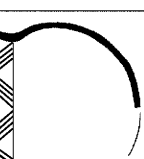

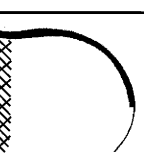

Э Т а П	1		1									
	2		2									
	3		3									
	4		4									
	5		5									
	6		6									
	7		7									
	8		8									
	9		9									
				IV		III						
				б	а	в	б	а				
									II			

Рис. 3. Таблица хронологических признаков керамики. 1 - “бадейкообразные” сосуды; 2 - сосуды с ручками; 3 - сосуды на поддонах; 4 - сосуды с “выкружкой”; 5 - насечки по верху венчика; 6 - орнаментация треугольниками; 7 - горизонтальный зигзаг; 8 - группы отисков; 9 - ряд отисков, дополненный редкими насечками противоположного наклона.

Э Т а П	1	2	3	4	5	6	7	8	9											
										б	а	в	б	а	б					
		IV		III				II												

Рис. 4. Таблица хронологических признаков бронзовых изделий. 1 - ножи с гардой и петелькой; 2 - ножи с уступом; 3 - ножи с кольцом; 4 - ножи с полукольцом; 5 - ножи без навершия; 6 - перстни с миниатюрными выступами; 7 - пуговицы с петелькой; 8 - пуговицы с перемычкой; 9 - серьги с цилиндрическими выступами.